

Особенности поэтической формы утопии (на материале творчества И. Гауссмана)

Проявление утопического принимает весьма разнообразные формы. На основе многочисленных теоретических работ можно выделить две ипостаси утопии: первая — определенный тип сознания, вторая — непосредственное воплощение утопического сознания в виде: 1) корпуса текстов, составляющих определенный литературный жанр или жанр социальной мысли, 2) социального феномена, то есть практической стороны утопии, связанной с ее реализацией (за основу, с небольшими изменениями берется деление В.Д. Бакулова¹). Философское теоретическое осмысление этого явления представлено, на наш взгляд, наиболее структурированно, в работах Е.Л. Чертковой². Она выделяет такие черты утопии, как создание идеала, противопоставленность истории, акцент на всеобщее благо, рациональность построения идеального общества; добавим также «факторность» Э.Я. Баталова (в реальной действительности утопист видит только отрицательные ее стороны, а в совершенном обществе присутствуют лишь положительные, произвольно выбранные характеристики, которые «работают» на идеал автора утопии³).

Литературная утопия уже давно является объектом внимания исследователей. В художественной литературе сначала сформировался определенный жанровый канон для положительной утопии, а позднее, в XX в. и для отрицательной утопии (антиутопии). Для последней (именно о ней будет идти речь ниже) приведем жанровые признаки, сформулированные О.Б. Сабининой:

► сюжетную схему произведения, развитие действия определяет позиция героя по отношению к описываемому обществу, которая выражает в свою очередь позицию автора;

► герои разделены на два лагеря (мощный, многочисленный лагерь сторонников сложившегося миропорядка и его противники), а конфликт двух идеалов реализуется в их физической борьбе;

► герой находится в постоянном противостоянии с обществом, в отличие от утопии, и как следствие — роман насыщен событиями;

► в антиутопии сохраняется традиционная для утопии фигура путешественника, который наблюдает жизнь нового мира свежим, непредвзятым взглядом, однако в антиутопии оценка героем (выражающая и позицию автора) этого общества негативная;

► гид, который сопровождает героя в его странствиях по новому миру, в утопии — носитель идей этого мира, в антиутопии же он, наоборот, становится яростным противником этого мира, чаще всего гидом героя становится любимая женщина;

► по сравнению с утопиями мир антиутопии более населен, а система образов более сложная, главный герой часто имеет своего двойника⁴.

Такая трансформация жанровых признаков связана с тем, что некоторыми исследователями называется утопизмом, то есть переходом от идеального конструкта, вневременного и внеисторического, к его реализации в конкретных исторических условиях, а значит и со столкновением чистой идеи с реальными условиями, в которые она не может вписаться в принципе.

Перечисленные жанровые признаки были выделены исследователями в первую очередь на материале романских жанровых форм. Именно роман позволяет автору показать изображаемое общество со всех сторон, раскрыть его конфликты (как в антиутопии). В малых формах — рассказах или стихотворениях — выделить более или менее постоянные жанровые знаки гораздо сложнее, поскольку такие формы не обладают теми же возможностями, что и роман. Опыт показывает, что в каждом конкретном случае вывод о том, что перед нами утопическое произведение, или произведение, содержащие элементы утопического сознания, мы делаем на основе анализа набора разных средств. Рассказ может

содержать жанровые признаки антиутопии, свойственные роману, в свернутом виде, частично или потенциально. Похожая ситуация складывается и с небольшими поэтическими произведениями. В сущности, в таких случаях едва ли можно говорить о каноне: слишком редки и неустойчивы такие формы, в особенности, когда речь идет о первых десятилетиях XX в., то есть периоде, на который приходится начальный этап формирования литературной антиутопии. На наш взгляд, задача исследователя при работе с такими произведениями заключается в четком определении механизмов и средств воплощения утопического мышления в художественном тексте, опираясь, если возможно, на романный канон, и на философскую основу явления утопии.

В рамках исследования чешской межвоенной утопии мы сделали ожидаемый вывод, что абсолютное большинство утопических и антиутопических произведений представлено более или менее классической романной формой (всего их более трех десятков). В виде трактата-диалога написан «Телефонный разговор чеха с обитателем планеты Марс» (1918) авторства Й. Мичана. Сборники рассказов с чертами утопического принадлежат перу В. Раффела.

Наибольшее жанровое разнообразие мы находим у Иржи Гауссмана (1898–1923) — чешского писателя-сатирика несомненного поэтического таланта, достойно продолжавшего традиции Карела Гавличека-Боровского. Можно смело утверждать, что, несмотря на свой юный возраст, до возвращения Я. Гашека из России Гауссман был первым сатириком в Чехии. Начал он с поэзии, вскоре переключился на прозу, а своеобразным итогом его творческого пути стал роман «Фабричное производство добродетели» (1922). Утопичность у Гауссмана проявляется в своем негативном варианте — все его произведения с признаками утопического мышления можно назвать антиутопиями. Утопия позитивная ему не свойственна вовсе, поскольку как сатирик он в первую очередь видит своей миссией выявить и высмеять недостатки существующих явлений, и даже близких ему по взглядам политических партий и их деятелей он не обходит. В этой

связи сатира и антиутопия служат у него одной цели — вывернуть утопию наизнанку, показать ее нелепость, чтобы не допустить краха хрупкой чешской государственности.

Утопичность Гауссмана проявляется в разной степени, но во всех жанрах, в которых он работал. В самом развернутом виде она присутствует в упомянутом выше романе, в более свернутом — в рассказах, например в «Метафизическом производстве» (сб. «Дикие рассказы», 1922), где социальная система характеризуется разрозненными примерами из жизни общества, и на 4–5 страницах автору удается описать целый период истории человечества.

Реализуется утопичность и в поэзии. Например, в сатирическом стихотворении «AVE!»/«Аве!» (опубликовано в декабре 1918 г.) высмеивается утопизм большевиков и идея революции в Чехии. Гауссман, будучи восхитительным сатириком, обладает способностью вместить объемную идею в небольшой текст, метко обозначив явления, столкнув их между собой и доведя ситуацию до абсурда. Он это делает и в «Аве!»: на объеме менее двух страниц писатель мысленно переносит большевистскую революцию на чешскую землю. На Рождество наступает самое радостное из возможных событий: «не вернулись легионы,/ а пришел к нам Муна!⁵»,⁶ приходит революция, «и теперь буржуев свору/ как свечи повесим/ дома на ёлочки», и далее: «Красный террор на улицу, /товарищи, внесите!/ Слава, ejjen⁷, большевики! Виват Ленин, Este!» В коротких строках скрывается множество отсылок к политическим реалиям современной Чехословакии, до конца понять которые не всегда даже возможно, не пролистав периодику за месяц, предшествующий написанию стихотворения. Этим в какой-то мере восполняется отсутствие пространственных описаний романских антиутопий. У Гауссмана мир реальный, уже читателю знакомый, становится фоном и местом действия стихотворной антиутопии, на современную тогдашнему читателю жизнь накладывается некое допущение, социальный эксперимент в виде большевистской революции.

В докладе будут рассмотрены и другие поэтические произведения Гауссмана.

Примечания

- ¹ Бакулов В.Д. Социокультурные метаморфозы утопизма: автореферат дис. ... д.ф.н. Ростов-на-Дону, 2003. С. 6–7.
- ² Черткова Е.Л. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 71–81.
- ³ Баталов Э.Я. В мире утопии: (Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах). М., 1989. С. 21–22.
- ⁴ Сабина О.Б. Жанр антиутопии в английской и американской литературе 30–50-х гг. XX в.: автореферат дис. ... к.ф.н. — М., 1990.
- ⁵ Алоис Муна (1886–1943) — чешский коммунистический деятель.
- ⁶ *Pešta P. Satirik převratu Jiří Haussmann. Brno, 1999. S. 202–203.* Здесь и далее перевод мой. — А. А.
- ⁷ В переводе с венгерского «здесь». Это слово чешские солдаты использовали вместо немецкого hier (чешский вариант в армии Австро-Венгрии был запрещен), во-первых, чтобы не употреблять немецкий вариант, а во-вторых, потому что оно было созвучно с чешским словом jelen (олень), превращая, по сути, обращение к офицеру в обзывательство.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.10

С. А. Кожина

Канон социалистического реализма в чешской литературе 1970–80-х гг.: идеологические и художественные ориентиры официальной критики и их реализация

Термином «нормализация» в чешской историографии обозначается период с 1969 г. (избрание нового правительства во главе с Г. Гусаком) по 1989 г. (Бархатная революция). Традиционно он включает в себя процессы политической, экономической и культурной жизни Чехословакии этого периода, направленные на восстановление предшествующих реформам Пражской весны условий регламентации жизни государства на основе марксистско-ленинской идеологии, возвращение прежнего статуса КПЧ и сближение в решении этих задач с Советским союзом.